

— Я из твоей собаки колбасу сделаю, если ещё раз она все мои клумбы перекопает! — из окна пятиэтажного дома высунулась разъярённая пожилая дама.

— Она больше не будет, честное слово! Простите её... То есть меня... То есть нас... Пожалуйста, простите! — замешкался девятилетний ребёнок. Он начал всеми силами тянуть поводок. На мгновение даже вообразил себя Гераклом. Но овчарка упиралась лапами в бордюр, уж больно ей понравились грядки с петуньей. Женщина возмущённо посмотрела на мальчишку и упрямую собаку, закатила глаза и задёрнула шторы.

Шёл второй месяц лета. Ближе к вечеру знойная жара начала спадать. Небо покрыли розовые облака. Двор дома пятнадцать на Пятнадцатой улице жил своей жизнью. На голубятне важно перебирал кры-

льями Михал Михалыч — одноглазый голубь, местная знаменитость. В городе его узнавали по необычному оперению — белоснежные крылья украшали чёрные сердечки. Рядом с птичьим царством за небольшим железным столиком пенсионеры играли в дурака. О! Любое казино могло им позавидовать. Бурное обсуждение иногда доводило мужиков до драки. Только вот суставы не давали делать резких движений. Поэтому приходилось решать путём мирных переговоров, на чьей стороне победа.

Дети беззаботно бегали с разбитыми коленками. И всё прекрасно, если бы не одно «но». Жильцы пятнадцатого дома на Пятнадцатой улице уже второй месяц кипятили воду в чайниках и кастрюлях, чтобы помыться. Горячая вода казалась роскошью. Электричество также отключали каждую неделю — стабильно

Елена Лушникова — студентка второго курса факультета журналистики Института мировых цивилизаций, член юношеской редколлегии журнала «Серебряные сверчки», участница презентаций журнала «Серебряные сверчки» в культурном центре «Булгаковский дом», в областной научной библиотеке Витебска (Белоруссия), XI международного литературно-художественного фестиваля «Русские мифы» (Пензенская обл.) и XXV международных литературно-образовательных чтений в Адлере.

на два дня. Через некоторое время была подписана стопка бумаг о непригодности помещения к капитальному ремонту. Хозяев квартир переселили в новую пятиэтажку.

Спустя двадцать лет стены здания частично развалились. Окна со временем выбила компания местной молодежи. На бетонном полу валялись использованные шприцы, бинты и разбитые бутылки. Слева от входа во второй подъезд виднеется спуск под землю — в колыбель маргиналов. В провинции «заброшки» — частое явление. Но по воле случая в подвале дома пятнадцать, словно в преисподней, лежал на деревянных ящиках, мучительно выл неизвестного возраста человек. Он другой. От слова «совсем». Его ничто и никто не интересует. Он — туша с жёлтыми от смока зубами. Его лоб давно покрыт морщинами не по возрасту. Тело обрюзгло, а голова опустела. Всё, что его интересует, — поиск дозы. Вместо рта у него — нечёткая линия, напоминающая улыбку. В посиневших пальцах он скомкал полиэтиленовый пакет с порошком песчаного цвета. Счастлив ли он? Как бы это парадоксально ни звучало — да. В отражении полузакрытых стеклянных глаз виднелась пентаграмма алого цвета. Веки с каждым вздохом всё больше закрывали расширенные зрачки. Ему стало тепло. Такое блаженство обычно испытывают люди перед смертью от холода. Впервые за долгое время он почувствовал себя человеком. Ладонь разжалась. Пакет полетел на сырой пол. Содержимое рассыпалось и смешалось с

подвальными испарениями. Едкий химический запах перемешался с могильной прохладой. Его сознание затуманилось. Лучи солнца пробивались в подвал со стороны входа. Всё вокруг смешалось в одно грязное пятно. Солнечный свет будто тянул его душу. Она взбиралась по лучикам всё выше и выше. И, казалось, дотела до солнца... Как вдруг... Послышались непонятные голоса тысячи людей, разговаривающих на разных языках. Крики мужчин, слёзы женщин, смех детей, звон, рычание животных и машин, пение диковинных птиц — всё это пронзало его сердце единым звуком. И резко оборвалось оглушающей тишиной. Душа стала лёгкой, как пёрышко.

Послышались женские голоса:

— Сколько?

— Два килограмма пятьсот грамм.

Записывайте.

Больничный свет прожигал белые, как бумага, стены родильной палаты. На выкрашенном эмалью деревянном подоконнике вальяжно раскинул помятые пожелтевшие листья фикус. Бедное растение, познав суть человеческой жизни, быстро состарилось. За время существования фикус носил несколько диковинных имен, последнее ему было особенно неприятно. Пожухлый Отто искал солнце за треснувшим оконным стеклом, но видел только мартовское плачущее небо. Маленький провинциальный город укрылся покрывалом мокрого снега и совсем не хотел просыпаться. Но стрелка настенных часов чётко шла по кругу. Наступило новое утро. Для кого-то первое.